

между собой. Что же касается решения задач оперативного плана, форм и направлений оперативной деятельности, то ВВС полностью положился на опыт руководителей отделений, которые в принятии решений были независимы от центра. Их деятельностью руководили соответствующие военные советы. Созданные контрразведывательные отделения свое острие направляли на противодействие шпионажу, а также на борьбу с контрабандой в районе демаркационной зоны. В связи с этим оперативно-розыскная работа велась путем установления внутреннего и наружного наблюдения среди австро-германских военнопленных, осевших вблизи лежащих от демаркационной линии городах и населенных пунктах, а также среди той части местного населения, которая попадала в поле зрения военной контрразведки благодаря своим частым переходам через демаркационную зону. Выявлением же фактов контрреволюционных проявлений привлеченных в войска военных специалистов занимались контрразведчики местных чрезвычайных комиссий. Таким образом, летом и осенью 1918 г. наряду с военной контрразведкой оперативную работу в армии проводили также и территориальные подразделения ВЧК [6, с. 10]. Успех в работе отделений во многом зависел также от того, насколько их руководителям удавалось правильно установить взаимодействия с местными органами управления, включая местные Советы, чрезвычайные комиссии и милицию.

Таким образом, Красная Армия, с первых дней существования стали объектом разведывательно-подрывных устремлений иностранных разведок и внутренней контрреволюции, так как являлись главной силой укрепления новой власти и защиты западных рубежей страны. В этих условиях руководство страны, Красной Армии вынуждено было создавать и развивать военную контрразведку как эффективное средство борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

Источники и литература

1. Анисяев, М.А. Военная контрразведка в Беларуси (1918–1920 гг.) / М.А. Анисяев.- Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь. - 2001. - 134с.
2. Бобылев, П.Н. На защите Советской республики / П.Н. Бобылев. - М.: Наука,1981.- 152с.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). - Ф. 200. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.
4. Маймескулов, Л.Н. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922) / Л.Н. Маймескулов, А.И. Рогожин, В.В. Сташис; под. ред. Н.М. Голушко. - 2-е изд., перераб. и доп. - Х.: «Основа».- 1990. - 345с.
5. РГВА.- Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 65.
6. Анисяев, М.А. Создание органов военной контрразведки на территории Беларуси / М.А. Анисяев // Вест. КГБ Респ. Беларусь.- 2001.- № 4(38).- с.10.

«ВЫ ПОТЕСНИТЕСЬ, ГРАЖДАНЕ»: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЖИЛИЩНЫЙ ПЕРЕДЕЛ ВИТЕБСКА В 1917–1921 ГОДАХ

Т.В. Буевич

Витебск, учреждение «Государственный архив Витебской области»

Основной целью Октябрьской (1917 г.) революции было провозглашено построение справедливого общества, основанного на равноправии всех его членов и на отрицании любого вида эксплуатации. Одним из методов достижения поставленной цели явилось полное искоренение частной собственности, в том числе и в социальной сфере, составляющей частью которой является удовлетворение потребности индивидуума в благоустроенном жилье.

В городах Российской империи конца XIX – начала XX века жилищное строительство было сосредоточено в руках состоятельных частных владельцев. Дома строились для одной семьи, а количество в них комнат и их размеры определялись произвольно, исходя из пожелания заказчика. Муниципального жилья не было. В отдельных случаях казенное ведомство могло выделять сотрудникам жилую площадь на период их работы. Для неимущих граждан на частные пожертвования строились ножлежки, приюты, богадельни и т.п., в которых помещения предоставлялись бесплатно. Многоквартирными обычно были частные «доходные» дома, строившиеся с целью сдачи в аренду. Но массово они возникали только в крупных городах. В провинции чаще сдавались в наем комнаты. А активно расширявший свои ряды городской пролетариат и другое малоимущее городское население, перебивавшееся временными заработками, вообще жило либо в приспособленных под жилье помещениях, построенных рядом с предприятиями, либо снимало «угол» – часть комнаты в частном доме (квартире). В результате к началу революции основная масса тех, чьи интересы защищало советское государство, своего постоянного жилья не имело.

Что касается Витебска, то в конце XIX века по результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в городе[1] постоянно проживало 65 871 человек, из них 21 513 (~ 33%) семейных, и наибольший процент составляли семьи в составе 6-10 человек[2]. Из них 29 772 это были лица, «имеющие самостоятельные занятия», в том числе 8403 (28%) занятых в промышленности, строительстве и занимавшихся извозом. По сведениям Витебского губернского статического бюро в 1917 году в г. Витебске насчитывалось по одним данным 99 404 жителя (без учета военнослужащих), по другим – 100 591 человек (из них 45 132, т.е.~ 45%, в возрасте до 19 лет)[3, л.4; 4, л. 30; 5, л.13]. Иными словами, к началу октябрьских революционных событий население Витебска возросло более чем на 50%. А уже в октябре 1918 года отдел городского хозяйства Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – горкомхоз) на основе учетных сведений карточного стола Витебского городского продовольственного комитета сообщал, что в городе проживает 112 000 едоков, а также, дополнительно, около 6 000 железнодорожников и неучтенное количество военнослужащих. Таким образом, прирост населения к 1918 году составил свыше 80%.

Установить процент «пролетарского элемента» в городе накануне революции пока не удалось, но вряд ли он серьезно уменьшился в сравнении с 1897 годом. Население с постоянным стабильно высоким и средним заработками чаще снимало жилье. Но анализ документов фондов коммунальных предприятий и жилищных кооперативов совершенно очевидно позволяет сделать вывод, что они проживали в бараках, основная масса которых находилась на окраинах.

Часть витеблян имела собственные частные дома с приусадебными участками. В первую очередь, это касалось тех, кто имел высокий доход. На каждый отдельный дом (квартиру), построенные до 1917 года, приходилось 3, 53 комнаты, т.е. преобладающее количество квартир (домов) были трех- или четырехкомнатные. Средняя площадь одной комнаты составляла 3½ квадратных (далее – кв.) сажени[6]. Такие сведения о жилом фонде Витебска в 1917 году отражены в документах, составленных в 1920 году горкомхозом и отделом коммунального хозяйства Витебского губисполкома (далее – губкоммунотдел)[7, л. 78]. Но данных об общем количестве жилой площади города накануне Октябрьской революции обнаружить пока не удалось. Зав.отделом губкоммунотдела в своей информации дополнительно указывал, что основным типом жилья в Витебске были одноэтажные деревянные и двухэтажные каменные постройки [7, л. 86]. При этом не сле-

дует забывать, что нередко на первых этажах домов, в особенности тех, что строились в центре города, располагались магазины (лавки) и(или) мастерские, а в помещениях-пристройках – склады.

По данным 1920 года в городе имелось 6504 частных домовладений с числом квартир – 13 643 и числом комнат в них – 48 475 [8]. Таким образом, если брать за основу эти сведения и учитывать данные о количестве населения в 1918 году, то можно предположить, что в 1917–1922 годах на каждого витеблянина в среднем приходилось 0,1 (изолированной) квартиры и 0,4 комнаты. Иными словами, если допустить, что среди витеблян по-прежнему не менее трети населения составляли семейные люди и доминировали семьи из 6-10 человек, то в 1918 году благоустроенных квартир (домов) в Витебске вряд ли бы хватило, что бы обеспечить ими каждую отдельную семью.

В революционном 1917 году некоторое количество богатых владельцев квартир и домов безвозвратно уехало из города, и пустующие жилые помещения стихийно занимались гражданами, до этого собственного жилья не имевшими. Такой «захват» частного жилого фонда особенно после революционных событий октября 1917 года не только не осуждался, но и активно поддерживался советской властью. «Справедливое распределение» жилой площади, при котором квартира рассматривалась не как составляющая неприкосновенной частной жизни, а как один из способов улучшения бытовых условий населения на основе социализации приватного пространства в рамках одной благоустроенной квартиры (создания коммуны), было провозглашено основой советской государственной жилищной политики. Впервые такой подход к использованию жилого фонда был описан В.И. Лениным в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» (в сентябре – октябре 1917 г.). Затем вопрос об ограничении размера жилой площади количеством членов семьи был поднят Лениным в письме, составленном, вероятно, в ноябре 1917 года, с замечаниями к готовящемуся Декрету Петроградского совдепа о реквизиции теплых вещей для солдат на фронте[9]. В конечном итоге предложенные Лениным принципы распределения частного жилья среди граждан нашли широкое отражение в нормативно-правовых актах советского правительства, и в период с 1917 по 1921 год государство максимально сконцентрировало в своих руках право на владение и распоряжение жилым фондом.

Так уже 30(12).10(11).1917, т.е. практически сразу после победы Октябрьской революции, Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) принимает постановление «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса». С этого момента Советы депутатов (совдепы) имели право не только секвестровать все пустующие помещения, но и вселять по своему усмотрению граждан в любые частные квартиры[10]. 14(28).12.1917 вышел Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) «О запрещении сделок с недвижимостью», в соответствии с которым с 14(18).12.1917, ввиду предстоящего обобществления городской земли, были приостановлены какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогоу и т.п. любой недвижимости и земельных участков в городах. Но наиболее важный документ был утвержден СНК еще ранее, 23(6).11(12).1917. Это – «Проект Декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости» (далее – Проект). И хотя сам Декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах» принят Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) только 20.08.1918, но основы жилищной политики, заложенные в Проекте стали широко применяться на практике местными совдепами уже с конца 1917 года[11, л. 27].

Так, 12(24).12.1917 Витебский городской Совет рабочих и солдатских депутатов (совдеп) принял «Обязательное постановление» об отмене частной собственности на недвижимость» (далее – Обязательное постановление) [11, л. 21]. В его развитие 09.03.1918 исполнительный комитет Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (горисполком) принял постановление, согласно которому в пределах витебской городской черты с 1 января 1918 года была отменена частная собственность на земельные участки и на строения, общая стоимость которых превышала 1200 руб. Следует отметить, что «Обязательным постановлением» в этот период при определенных условиях бывшим хозяевам жилья еще разрешалось оставлять за собой его часть. Как свидетельствуют архивные документы, 57% частных домов муниципализировано именно в 1918 году. Об этом можно судить по итогам подворной переписи, проведенной в августе 1920 года в рамках Всероссийской переписи населения. Так в Витебске имелось 7044 владения (земельных), из них только 44 не имели застроек. При этом 227 владений целиком были заняты учреждениями, остальные либо полностью, либо частично заселены частными лицами. Из всех учтенных застроек к 1920 году в общественную собственность перешло 266, из них 212 составлял жилой фонд [13]. В целом картина выглядит следующим образом: в 1917 году муниципализировано 24 дома, в 1918 год – 155 домов, в 1919 году – 63 домов, в 1920 году – 24 дома [14, л.1]. Здесь все же следует учитывать, что с большой долей вероятности данная статистика отражает итоги не фактической муниципализации домов, а сведения о ее юридическом оформлении.

Позднее в августе 1920 года прошла вторая волна «уплотнения» в связи с установлением Витебским губернским военно-революционным комитетом, который на период военного времени заменил Витебский губисполком, новой нормы жилой площади на взрослого человека: 2 кв. сажени (при высоте помещения в 4 аршина) или 3 кв. сажени (при высоте помещения ниже 4 аршина) [15, л. 351]. Губкоммунотдел сообщал, что на человека в городе приходится приблизительно 1,9 кв. саженей муниципализированного жилья [7, л. 78]. В документах указывалось [7, л. 76], что в этот период общая площадь квартир муниципализированных домов составляла 23 954 кв. сажень (с учетом площадей под магазины) [16].

В 1922 году «уплотнение» и «самоуплотнение» проводились вновь [7, л. 528]. Но на данном этапе активнее всего «уплотнялись» дома, занятые государственными учреждениями [7, л.152, 287].

Жилой фонд после конфискации переходил в ведение горкомхоза, при котором в 1918 году был создан комитет по социализации имущества. Жилая площадь в муниципализированных домах распределялась только среди определенных групп населения: прежде всего, среди рабочих, руководителей и сотрудников советских органов, а также членов их семей. Для этого функционировали специальные «ордерные» комиссии [17, л. 2].

Комитет по социализации имущества стал заниматься взиманием платы за проживание [18]. После подселения в конфискованные квартиры (комнаты) новых жильцов издержки на содержание дома делились между всеми жильцами поровну. В фондах архива обнаружен ряд документов, где указывалось, что город сдает гражданам жилье «без воды и очистки» [19, л. 79], и именно поэтому за них плата взималась отдельно, а не в рамках платы за жилье [7. Л. 95]. Выявлено также письмо-разъяснение горкомхоза от 02.08.1919 о том, что и ремонт водопроводных сооружений в конфискованных домах должен осуществляться за счет квартирантанимателей, но силами горкомхоза [19, л. 55]. Но имеются свидетельства тому, что, например, в 1922 году в целях соблюдения санитарно-

гигиенического режима и хронической нехваткой финансов воду населению некоторое время отпускали бесплатно [7, л. 87]. Что касается платы за электричество, то жильцы-рабочие были освобождены от нее [7, л. 87].

Документы свидетельствуют о том, что не только новое жилищное строительство в 1918–1921 годах не производилось. Практически не осуществлялись ни капитальный, ни текущий ремонты муниципализированных зданий. Не выполнялся комплекс работ, призванный поддерживать инженерные сооружения в исправном состоянии. Например, согласно статистическим данным в 1920 г. только 321 муниципализированных и национализированных жилых построек имели исправный водопровод и 186 – исправную канализацию. И это при том, что изначально во всех конфискованных домах водопроводы и канализационные коммуникации были в исправном состоянии [20, л. 2]. Данных о плохой работе систем отопления также имеется не мало. Горкомхоз объяснял недостатки работы по содержанию жилого фонда малой штатной численностью, отсутствием сети подсобных предприятий и большими объемами работ по распределению жилья, которые не позволяли вовремя брать (а чаще – требовать) квартплату с жильцов и вести учет технического состояния жилого фонда [17; 21, л. 65, 111]. Отдел государственных сооружений (с 12.10.1920 – комитет государственных сооружений Витебского губернского Совета народного хозяйства, *сокращ.* – губкомгоссоор), которому было поручено заниматься ремонтом помещений в муниципализированных домах, также ссылаясь на недостаток денежных средств и материалов для удовлетворения всех заявлений на ремонт квартир. Так в 1920-1921 гг. жильцами было заявлено к ремонту 534 квартир, а губкомгоссоором произведен ремонт в 321 квартире (60%) [22, л. 14–15]. Ремонты домов проводились только в случаях крайней необходимости: например, протечки крыш, разрушение фундамента. Не следует забывать о чрезвычайных обстоятельствах приводивших к сокращению городского жилого фонда: например, только с января по июнь 1921 года в Витебске произошло 45 пожаров в жилых домах [23, л.11], которые из-за нехватки средств не были восстановлены. На заседании Витебского городского Совета 13.06.1922 был озвучен тот факт, что за период после Октябрьской революции жилая площадь «без всякого присмотра и необходимого ремонта» сократилась на 30% [7, л. 151].

Таким образом, советская жилищная политика 1917 – 1921 годов, основной постулат которой заключался в «справедливом» распределении среди населения частного жилья, построенного до Октябрьской революции, потерпела фиаско. Более того, к 1922 году ситуация с предоставлением благоустроенного жилья еще более ухудшилась, поскольку муниципализированное жилье, заселенное максимально возможным количеством жильцов и лишенное финансов для надлежащего содержания, стало быстро разрушаться: в Витебске за пять послереволюционных лет жилой фонд сократился почти на треть.

Одним из итогов жилищной политики этого периода можно назвать закрепление на практике явления, при котором одна изолированная квартира или жилой дом заселялись несколькими семьями. Был заложен прообраз того социального института, который в советском государстве в течение 1920-х гг. получил название «коммунальной квартиры»: жилого помещения, где осуществлялось под контролем государства вынужденное сожительство чужих и социально отдаленных индивидов и семей.

Источники и литература

1. С учетом 952 жителей пригородов Песковатики, Гуторовщина, Новомонастырская и Городокская слободы; а также Пресмушек (местность в северной части исторического

- района Витебска – Задвинья, на правом берегу Западной Двины, на территории северных отрезков современных улиц Ильинского и Революционной).
2. Здесь и далее статистические данные переписи 1897 г. приводятся на основе издания: Тройницкий, Николай Александрович. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г.; Населенные места Российской империи в пятьсот и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. Издание 1905 г.; Сведения о населении, занятом в промышленности, строительстве и на извозничьем промысле взяты в таблице XXI (п.22-40, 43). Стр. 12, 72-73, 164-165; Электронный вариант издания размещен на сайте «Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина». 3. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (ГАВО). – Ф. 476. – Оп. 1. – Д.25.
  - Учитывались жители пригородов: поселков при железных дорогах и обеих Марковщин.
  4. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. Д. 28.
  5. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 160.
  5. 1 сажень (казённая) $\approx 2,1336$ м (213,36 см); 1 кв. сажень $\approx 4,55225$ м².
  5. ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54.
  7. В документах со ссылкой на информацию из статистического бюро по г.Витебску даются и другие данные: в 1917 году (без учета территории Юрьевой Горки, полосы отчуждения железных дорог и обоих пригородов Марковщин) – 100 591 витеблянин (без учета военных), 6709 домовладений и 14 073 квартиры с 49 663 комнатами; в 1920 году (с учетом Юрьевой Горки, полосы отчуждения железных дорог и обеих Марковщин) – 86 428 человек населения (без учета военных), 7 043 домовладения и 13 390 квартир (*прим.автора* – комнаты не указывались) (см. подробнее ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.78).
  8. Сайт «В.И.Ленин. Полное собрание сочинений». Том 54. Октябрь 1917г. – Июль 1918 г. Стр. 380. Режим доступа: <http://uaio.ru/vil/54.htm>. Дата доступа: 04.01.2017.
  9. В настоящей статье (если специально не указывается иной источник) нормативно-правовые акты анализируются на основе текстов, размещенных на сайте «Некоммерческая интернет-версия Консультант-плюс».
  10. ГАВО. – Ф. 67. – Оп.1. – Д. 439.
  11. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д. 21.
  12. Данная цифра указана на основании подворной переписи. В то же время в статистической таблице «Распределение владений по характеру построек и элементам благоустройства» общее количество муниципализированных и национализированных владений указано как 204, в которых имеется 418 жилых помещений (см. подробнее ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 39. – Л.1; Д.40. – Л.2).
  13. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 43.
Приведенные в статистической таблице сведения расходятся с итогами подворной переписи и сведениями о состоянии коммуникаций в муниципализированных домах (см. подробнее ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 39. – Л.1; Д.40. – Л.2). Вероятно, это связано с тем, что процесс юридического оформления муниципализированного жилого фонда происходил еще и в 1921 – 1922 годах (см. подробнее ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.394, 399). Например, еще в 1922 году указывается для Витебска 200 «не оформленных ни в чью собственность» домов (ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.151; Д. 27. – Л. 112)
  14. ГАВО. – Ф. 2268. – Оп. 1. – Д. 29.
На общегосударственном уровне нормы жилой площади были установлены только 17 июля 1919 года, когда Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ) РСФСР утвердил «Временные правила устройства в содержании жилых помещений», а Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»¹ окончательно узаконил данные нормы для вселения новых жильцов: на

- взрослого человека выделялось 18 кв.аршин ($\approx 1,99$ кв.саженей или $8,25\text{м}^2$) жилой площади.
15. Цифру следует все же считать ориентировочной, т.к. она применяется к 160 домам, а статистические данные к началу 1920 года дают 266 домов.
  16. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.399.
  17. Ориентировочная стоимость содержания муниципализированных домов см. подробнее ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.86; Д. – 27. Л. – 282.
  18. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 40.
  19. ГАВО. – Ф.67. – Оп.1. – Д. 27.
  20. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 156.
  21. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.394.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ ПСКОВСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А.М. Егоров

Псков, Псковский филиал Академии ФСИН России

Революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская война привели к образованию многочисленных вооруженных формирований, в т.ч. на стыке Псковской и Витебской губерний. Разгром и отступление в Прибалтику и Польшу белогвардейских сил еще не означали немедленного установления здесь общественного порядка и спокойствия. В начале 1920-х гг. здесь активно действовали различные нелегальные группы, мешавшие окончательному установлению советской власти. В борьбе с ними большевики активно использовали как силовые методы, так и контрпропаганду. В этой связи Северо-Западный Просветснаб тех лет чаще других получал от местных властей заявки на агитационные материалы по трем темам: «Балаховщина», «Савинковские банды» и, наконец, «Банды Оберона»¹.

Фигуранты первых двух советских контрлистовок – Булак-Булахович и Борис Савинков – были хорошо известны широкой публике. Меньше известна личность третьего фигуранта, использовавшего для прикрытия псевдоним «Оберон», как нельзя лучше отражавший конспиративный характер его действий. Между тем возглавляемое им вооруженное формирование серьезно осложняло оперативную обстановку на стыке Псковской, Смоленской и Витебской губерний, т.е. на современном российско-белорусском пограничье.

Начало активности т.н. Оберона связано с эсерами в 1918 году. После подавления эсеровского мятежа в Москве, последние решили перенести свою борьбу с большевиками на места. По заданию ЦК ПСР в Витебской губернии ими была начата подготовка к восстанию пограничных частей Красной Армии, дислоцировавшихся в Орше и Сенно. Выступление провалилось, а его участники рассеялись по окрестным лесам, добывая средства к существованию грабежами. Некоторые из них позднее стали активными участниками движения «зеленых», придерживавшихся принципа «ни с белыми, ни с красными».

Одновременно с этими событиями эсеры планировали крестьянское восстание в тыловых уездах Витебской, Смоленской и частично Псковской губерний. Центрами волнений должны были стать Поречье (Демидов), Велиж и, по возможности, Торопец. Но для подобного выступления требовались лидеры, в качестве

---

¹ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 85.